

Б

езвременно погибшего — написал я, было, в подзаголовке к данным воспоминаниям. И тут же задумался: «А почему, собственно, безвременно? Не может быть безвременно погибших по определению. Ведь каждому из нас Творец уготовил в конце пути ту судьбу, какую замыслил для него с самого рождения. Кого-то сделал подвижником-ученым, кого-то спокойным обывателем. А кого-то — человеком, который вечно ищет для себя новых, необычных впечатлений. Такого, чей изначальный образ не очень-то вписывается в привычные рамки и стереотипы поведения большинства из нас. Но, тем не менее, эти люди несут в себе Его искру. А заодно передают ее, в силу своих способностей, всем остальным. Хотя, Создатель порой отводит им достаточно малый отрезок времени. И мы понимаем их суть, вернее — суть их души, только тогда, когда они уходят от нас...

Именно таким, на мой взгляд, и являлся Павел Зябкин. Я собирался написать о нем еще тем летом, когда Павла не стало. Но передо мной постоянно всплывали черты его характера, манера говорить, вести себя. А еще — рассказанные им сюжеты на разные темы. И я не спешил придать своим воспоминаниям печатный вид, надеясь описать все разом. Однако тянуть дальше стало неловко. К тому же, пока еще не потускнела моя память, лучше все-таки изложить то, что сохранилось в ней на сей день.

Итак, небольшая справка о моем товари-

Ще. Павел Владимирович Зябкин родился в Воронеже 10 января 1967 года. После срочной службы в ВВС под Москвой в 1985—87 гг. окончил юридический факультет Воронежского государственного университета. Работал следователем прокуратуры с 1992 по 1994 гг., затем служил по контракту в Чечне (1995—1996 — командир отделения огнеметчиков; 2000—2001 — писарь). После увольнения служил в Воронеже в погранотряде особого назначения Западной группы пограничных войск до мая 1998 года. С 2002 года выступал в печати, с 2006-го — член Союза журналистов России. Выпустил несколько мемуарных книг о войне. Погиб 25 июня 2014 года, по другим данным — в ночь с 26 на 27 мая во время штурма Донецкого аэропорта, когда сопровождал раненных бойцов ополчения в тыл.

С Павлом Зябкиным мы познакомились в газете «Русский Формат», издававшейся в Воронеже в течение нескольких лет, начиная с 2005 года. Как раз там я увидел его впервые. Он пришел в газету позже меня, в 2006-м. Сколько помню, на должность корреспондента. Выглядел Паша не совсем обычно. Вид имел совсем не героический, хотя прошел Чечню. Ростом немного выше среднего. Не отличался и могучим телосложением. Часто брил наголо голову. Обожал потешать окружающих разными анекдотическими случаями из мирной и военной жизни. И когда начинал, ухмыляясь, излагать их, бил при этом от удо-

вольствия об полногами. Трудно сказать: специально или непроизвольно. Точно так же он делал, если кто-то рассказывал смешную историю. Все вместе создавало впечатление будто перед вами настоящий комик.

На самом деле, судьба Паши Зябкина, подавшегося воевать на Донбасс и погибшего там, показывает, как в человеке уживается возвышенное и приземленное.

Когда Павел пришел в газету, на его счету было уже немало публикаций. Причем многие из них появились в маститых центральных изданиях, отражающих конфликты в «горячих точках». Выражаясь языком, принятым в литературной и журналистской среде, он уже имел «свое перо», а сказать попросту: Зябкин состоялся как писатель. В огромной степени этому способствовало то обстоятельство, что он сам прошел в Южном федеральном округе через горнило известных событий.

В Воронеж он привез великое множество воспоминаний о событиях на Кавказе, свидетелем и участником которых ему довелось стать. Все они, как на печатных страницах, так и в устном его исполнении, воспринимались заведомо не придуманными, а настоящими, взятыми из жизни. И не только военной, но и мирной. А брал их автор из собственного опыта — в том числе и того, который приобрел, будучи сотрудником прокуратуры. В 1990-х через горячие конфликты прошли многие работники правоохранительных органов. И Паша попал на войну в Чечне.

Благодаря такой командировке, несмотря на некоторую игривость собственных рассказов, Зябкин оставался в своих произведениях неизменно честным и серьезным в главном. В том, что касалось настоящей правды о войне. Поскольку, он имел в себе очень твердый духовный стержень, присущий тем, кто попал в пограничье между жизнью и смертью. Прежде всего, ветеранам боевых действий.

Поэтому, дабы лучше понять в дальнейшем мотивы, которыми руководствовался в своем творчестве Павел, а также причину несомненного успеха его опубликованных историй, необходимо остановиться прежде на характерных чертах таких участников и ветеранов. Эта тема сильно сблизила нас с Пашей и позволила общаться с ним в дальнейшем постоянно, обмениваясь мнениями даже тогда, когда мы ушли из «Русского Формата».

Сразу долго общаться со многими воевавшими людьми еще в бытность мою научным сотрудником отдела советской истории Воронежского областного краеведческого музея. Благо рядом с его филиалом, называемым «Арсеналом», располагался совет ветеранов-однополчан Великой Отечественной войны. С его членами мы немало беседовали о давно минувших днях той священной для нашей страны и народа поры. Мало того, по сути и содержанию те разговоры совпадали с беседами на ту же самую тему с моими отцом и дядей, а также их однополчанами. Да, к тому же, в силу своей музейной должности я одно время плотно занимался поиском и захоронением павших защитников Отечества в Воронежской области, отчего мне приходилось неоднократно встречаться с ветеранами войны в разных районах нашего края и за его пределами. Все они изрядно понюхали порошу, включая тех, кто воевал в горячих точках уже после Победы.

Опираясь на сумму всех тех воспоминаний и бесед, я твердо убедился в следующем: чем ближе человек находился к передовой и чем больше переживал там страх возможной близкой смерти, чем больше рисковал собой, тем меньше он имеет склонность к непомерному воспеванию событий, коих являлся свидетелем или участником. Этим отличались и ветераны-фронтовики, и те, кто по зову сердца стал участником современных событий в Донбассе.

Несомненно, к их числу принадлежал и Павел Зябкин. Насколько я заметил, в своих устных и письменных рассказах он как бы нарочно избегал всего не в меру выпендрочно-патриотического. Хотя, несомненно, являлся патриотом своей страны. С куда большим вдохновением Паша делился, к примеру, тем, как в Чечне они очутились на заброшенном спиртзаводе в надежде разжиться его продукцией — видимо, чачей — то есть, виноградным спиртом. Вот только встретились там с такими же любителями выпить, но с «другой» стороны. Удивляться тут тоже нечему: во-первых, мусульманам в Коране воспрещается пить виноградное вино, а не спирт, а, во-вторых, среди боевиков было немало наемников-немусульман или «солдат удачи» со всего мира. А дальше Паша описывает, как потом выходили из сложившейся ситуации.

Или о том, как бывший их сослуживец по чеченской кампании, будучи храбрым человеком, одновременно страдал непомерным пристрастием к алкоголю. А кто им не страдает на войне? Ведь почти всех без исключения на ней стрессы преследуют постоянно... За свои подвиги сей выпивоха был не раз представлен к наградам, но, как сейчас вспоминаю в изложении Павла, выходил получать их совершенно невменяемым.

Впрочем, не буду пересказывать произведения Павла Зябкина. Думаю, куда больше удовольствия читатель может получить, прочитав их самостоятельно. Скажу только: большинство Пашиных историй изобиловало похожими сюжетами.

Что и говорить: далеко не все его творения относилось к области драматического. Немало в них было веселого и смешного. Так ведь и сама война — не одно лишь только страдание, трагедия да кровь. Бывает она и смешной. Иногда и веселой. Ибо в определенном смысле она куда более разнообразный и многоплановый срез нашей мирной жизни. К тому же, как утверждают психологи: в экстремальных условиях юмор и смех помогают людям выжить. А еще надо учесть вот что: самые низменные и самые высокие стороны человеческой природы наиболее полно раскрываются как раз в пиковых ситуациях, в период боевых действий.

Именно за это, а не за «клубничку» основная часть читающей публики из числа ветеранов, да и не только их, любила произведения Павла Зябкина. И не только в нашем городе, но и по всей России. Да и за ее пределами тоже, наверное. Там, куда доходили зябкинские рассказы, посвященные воинской тематике, вызывая везде живейший интерес и отклик.

Тем не менее, у определенной части читателей написанные им материалы вызвали нечто вроде негодования и даже шока. Как правило, из-за тех моментов, которые якобы дискредитировали, по мнению тех читателей, российскую армию. Конкретно ту ее часть, которая выполняла свой воинский долг в Чеченской республике. Помню, как один из таких позвонил в «Русский Формат» и долго пытал заместителя главного редактора о том, кто, как и почему посмел писать в столь неподобающем стиле о наших славных воинах. Тот отвечал ему так же долго и в том духе, что под его началом и вправду работает ве-

Павел Зябкин

теран-«чеченец». И действительно пишет такие статьи и рассказы. Вскоре, однако, замеситель устал объясняться с въедливым стражем российской воинской морали. И, потеряв терпение, пригласил к трубке самого виновника дотошной беседы. Паша подошел, выслушал неугомонного респондента, а затем твердо сказал: «Да, разумеется, я был там! Да, я все это видел своими глазами и отвечаю за каждое слово, написанное в моих материалах. А что вас в них не устраивает?».

Последовал пространственный телефонный диалог, во время которого Пашин собеседник, судя по всему, пытался учить его нравственным началам. И распространялся на тему о том, каким надлежит выглядеть российскому солдату в средствах массовой информации. Сейчас уже не вспомню дословно тех выражений, какими возражал ему Павел. Во всяком случае, делал это корректно. А суть состояла примерно в следующем: война — не лубочная картинка, и совершенно не нужно приукрашивать ее различными былинными подвигами. Наоборот, надо отражать то, что происходит там на самом деле. А ложь, изложенная даже в благих целях прославления наших вооруженных сил, все равно и в конечном итоге, не будет украшать их.

Паша говорил категоричным тоном человека, уверенного в своей правоте и неизбежности собственной позиции. Чувствовалось его огромное превосходство над тем, кто пытался рассуждать о вещах, с которыми был

знаком, без сомнения, весьма поверхностно и не понимал всей глубины процессов, происходивших в реальности на полях сражений, а также и поблизости от них. Похоже, сведения о предмете он явно черпал из триумфальных литературных произведений и кинопродукции пропагандистского толка.

Позже, когда я поинтересовался у Паши, чем же закончился тот разговор, он махнул рукой: «Да пошел он! Сейчас сколько угодно развелось таких умников, которые, не понюхав пороха, знают, что и как надо писать о войне. А я все видел своими глазами! И ни к чему мне обо всем этом врать...» Он долго горячо поминал записных патриотов. А я, видя, насколько взволновала его поднятая тема, решил подлить масла в огонь, сославшись на короткую старую фразу, которая звучит приблизительно так: «Почему-то самый горячий патриотизм всегда и сильнее всего проявляется в глубоком тылу...» По моему разумению, данный афоризм родился неспроста. Скорее всего, столь сакраментальное изречение возникло в среде подлинных ветеранов различных войн, выражавших свое презрительное отношение настоящих окопников к крикливым агитаторам за войну до победного конца. Да еще в «белых перчатках» и, жертвуя собою беззаветно в случае надобности. Притом сами тыловые патриоты оставались в стороне от кровавых событий, ничем не рискуя.

«Что верно, то верно!» — откликнулся Зябкин на эту поговорку. И продолжил дальше свою обличительную речь от лица «патриота из горячей точки» в лицо «патриотов из глубокого тыла». Было понятно, насколько правдивы все его слова.

Вместе с тем, Пашина память, видно, не давала покоя его душе. Ибо, как ни хорохорится человек, как ни стремится показать свое отстраненное отношение к драматическим событиям, некогда произошедшим с ним, в нем все же остается затаенный горький осадок и сидит эта правда в нем всю жизнь, подобно занозе в ранке. Обычно это называется «фантомом войны». Правда, сосуществует сей фантом или осадок в нем, как правило, вместе с другим чувством. Точнее, с желанием испытать повторно радость воинского братства, встретиться со старыми боевыми товарищами. Ну, и снять немного, пообщавшись в их компании, застарелый стресс. В том числе и с помощью выпивки.

Периодически он искал на недельку-другую, и тогда каждый в редакции знал: у Паши снова «творческие дни». Потом, встать наобщавшись с боевыми друзьями, прогульщик появлялся, каялся перед начальством, получал от него очередной нагоняй и начинал писать снова с удвоенной силой. Главный редактор газеты и ее хозяин не раз порывался выгнать Зябкина. Но всякий раз заместитель главного, либо я ступались за него и просили простить еще раз. Скорее всего, Пашины вещи о войне нравились владельцу «Формата», и он не единожды прощал их автора.

Столь же беспорядочно вел себя наш «чеченец» и с женщинами. Впрочем, рассказы, поведенные Пашей, носили по преимуществу довольно безобидный характер и были действительно смешными.

Когда его мать из-за тяжелой болезни слегла в постель, ставшую для нее смертным одром, Павел оставался у ее изголовья до последнего. Об этом мне рассказал настоятель Дивногорского Успенского мужского монастыря отец Максим. Зябкин был весьма дружен с ним и много раз приезжал в обитель. Там они вели беседы, на которые Паша потом беспрестанно ссылался, воспринимая их как поучения и наставления.

Может показаться парадоксальным, но Павел Зябкин, несмотря на определенную несерьезность своего поведения, являлся глубоко верующим человеком. Верующим не напоказ: как и в своих воинских воспоминаниях, он терпеть не мог лубочной показухи в вере. Он рассуждал о насущных вопросах религии со всей присущей ему интеллектуальной глубиной и страстью, мог наизусть цитировать Святое Писание. Да еще, ко всему прочему, знал апокрифические, то есть не ставшие каноническими или вообще не признанные церковью предания и тексты. Например, такие, как: «Евангелие от Иуды». Из чего можно заключить: к подобным вопросам у него не было догматичного отношения. И вместе с тем он на дух не переносил либеральных прозападных нападок на православие и на Россию.

Он мог быть серьезным не только в вере, но весьма здраво рассуждал о самых разных материях. Его патриотизм не являлся данью соответствующей линии «Русского Формата» или чему-то одноминутному. Зябкин умел анализировать, сопоставлять, одним словом,

мыслили по-настоящему. Однажды мы обсуждали с ним гражданскую войну. Конкретно то, какие зверства позволяли себе творить все стороны-участники в страшные для нашей страны годы братоубийственной бойни. И Паша, в душе своей или в силу православного патриотизма будучи, скорее, белым, нежели красным, высказался все же в защиту красных: «Ну, а если взять красных партизан в Сибири во времена Колчака? Конечно! Если тебя станут шомполами пороть, как они рабочих в крупных городах пороли за отказ работать на них, кому такое понравится?! Пойдешь, наверное, к красным в леса, с белыми воевать! Вот потому и не поддержали там Колчака...»

Он умел быть объективным не только в отношении далеко отстоящих от нас исторических событий. Но и тех, коих сам стал свидетелем и участником — в той же Чечне. Я спросил его как-то: «А правда ли, что некоторые наши рядовые военнослужащие, попав к боевикам, переходили на их сторону?» — «Конечно, правда!» — ни на минуту не задумавшись, ответил Паша. — А чего удивительного, — тут же пояснил он, — если их почти не кормили. И еду они себе добывали, как могли, сами! Да, что там говорить! Бывало, посмотришь на нашего «молодог» — стоит какой-то полуголодный перед тобой, да и только... А «там» им давали почувствовать, что они настоящие мужчины, воины — предоставляли хорошую амуницию, кормили отлично. А что у нас? Нередко издевательство, да бескормица...»

Автору данных строк доводилось не раз беседовать с участниками боевых действий в Чечне. И Пашины слова многие из них подтверждали. По крайней мере, так было в «первую чеченскую». Чему, в принципе, удивляться нечего. Ведь первая часть той прискорбной эпопеи происходила в лихие 90-е, когда воровство и мошенничество являлись чуть ли не нормой. Вот почему воспоминания участников таких событий являются исключительно ценными. Простым ветеранам врать ни к чему, они уже давно прошли через все самое страшное. И, по большому счету, бояться им нечего и некого...

Узнав от отца Максима о болезни матери Павла, я решил позвонить Паше и поддержать его морально. Это было уже после ухода Зябкина из «Русского Формата». Ког-

да мы вместе работали в газете, то создавались часто — обычно, чтобы уточнить достоверность того или иного факта. Правда, профессиональные проблемы в наших разговорах очень быстро перерастали в обсуждение посторонних тем. И тогда уже прекратить повествовательный фонтан моего собеседника становилось практически невозможным. В своей излюбленной манере он часами мог иллюстрировать обсуждаемую тему различными эпизодами из личного жизненного опыта, из военных лет или прокурорской практики. Интеллектуальные или задушевные беседы мы с ним вели и во время перекуров в «Формате», и после ухода из редакции.

Конечно, в тот наш разговор мой друг, истосковавшийся от долгого безотлучного сидения рядом с большим человеком, был настолько рад, что проговорить с ним пришлось без малого полдня. Прежде укладывались в пару часов, несмотря на все его неумолимое красноречие, пока я не прерывал Пашу, сославшись на неотложные дела. И в тот раз попытался завершить разговор, но он вдруг совсем неожиданно, даже с некоторым смешком, совсем по-солдатски как-то, хотя одновременно и жалобно, попросил в ответ: «Ну, подожди, давай еще пошвистим немного...» Правда, термин «пошвистим» он произнес в более крепкой, армейской транскрипции. И «пошвистели» мы с ним еще часа два.

Во время самого последнего телефонного общения со мной Павел говорил, что работает в одном городском супермаркете. «Чем же ты занимаешься?» — спросил я его. Он ответил со своей обычной невозмутимой интонацией: «Ящики картонные жгу! Ну, те, которые после реализации товара остаются». И мне в тот момент как наяву привиделась довольная ухмылка на его лице от только что произнесенных слов. И заодно стало обидно за него. Я без пренебрежения относился к работе, которую нашел для себя Паша. В разные времена собственной жизни, начиная со студенческих лет, да и позже, в 90-х, мне приходилось быть грузчиком, дворником, сторожем, копачем, киоскером, да мало ли кем еще. Обидно было сознавать, что такой человек, как Павел Зябкин, обладавший столь искрометным юмором и талантом,

неумной энергией, вместо написания своих замечательных остроумных материалов на благородной бумаге, вынужден заниматься утилизацией уже отслужившей и никому не нужной целлюлозы...

Возможно, его бравада являлась только защитной реакцией. Хотя мне кажется, что Паша всегда ощущал себя и свою личность самодостаточными. И не гнушался при этом никакой работой. В его ответе я тогда почувствовал не только браваду, но и уверенность в себе, веру в незавершенность своей судьбы. А картонки — это преходящее...

Уверенность в собственном даре проявлялась у Зябкина, казалось бы, в самых незначительных вещах. Он любил и уважал свой стиль, а когда кто-нибудь беззлобно подсмеивался над ним — относился к этому спокойно, хотя и ревниво. В один из редакционных, но не очень запарочных дней я решил немного подшутить над Пашей. А заодно и над нашим заместителем главного редактора. Взял за основу некий забавный сюжет о молодом призывнике, который пытался откосить от армии, но еще больше сам пострадал от придуманной уловки. Подобная тематика была закреплена в газете за Павлом Зябкиным. Но я постарался сделать целый рассказ в его фирменном стиле, подписав текст похожими именем и фамилией. Вполне узнаваемыми, кажется, «Шапа Зябкин» или «Зява Пашкин». И незаметно положил на стол заместителю. Прочитав, тот все понял, засмеялся, дал прочитать другим. Поэтому при появлении мнимого автора в помещении редакции царило всеобщее веселье. А заместитель, решив поддержать игру, стал обращаться к нему с претензиями по поводу тех или иных погрешностей в материале. Паша быстро пробежал первые строки подделки. Сначала на его лице изобразилось недоумение. А затем он закричал возмущенно: «Это не мой текст! Да не писал я никогда этого!» До него не сразу дошло, что он стал жертвой розыгрыша. Потом, повернувшись ко мне и не сдерживая улыбки, он снова закричал, но уже уличительно: «Это все он!»

Все же, несмотря на уверенность и браваду в том нашем последнем телефонном разговоре, в его словах сквозила и определенная безысходность. А мне подумалось: «Ох, попадет он здесь, среди этих дурац-

ких картонок! Уж лучше ему находиться в какой-нибудь горячей точке. Там он был бы на своем месте. Да еще пополнил бы и свой литературный багаж...»

И как будто в воду глядел...

Когда начались события в Новороссии, я почти не сомневался: Зябкин не утерпит, бросит свой бумажный утиль и сорвется туда. Ведь обстановка там складывалась подходящая не только для его вечно ищущей новых ощущений и приключений натуры. Он вполне мог найти себя именно там и как убежденный патриот. К тому же, насколько помню из наших с ним бесед, Павел на дух не переносил бандеровцев и украинский сепаратизм. Так что появление его в Новороссии казалось вполне закономерным. К тому же, ему, побывавшему в Чечне, уже не нужно было проверять себя, отвечая на вопрос «Чего ты стоишь?»

С большой охотой он поехал на Донбасс — уж там его дело обещало стать не просто «исполнением гражданского и воинского долга», но действительно по-настоящему правым...

И совсем скоро, летом 2014-го, пришла весть о его гибели. Мне позвонил бывший заместитель главного редактора «Русского Формата» и спросил: «Ты же работал вместе с Павлом Зябкиным? Знаешь его, наверное, хорошо?» Затем рассказал следующее. В Ростове-на-Дону располагается специальный военный патологоанатомический центр. Туда поступают неопознанные тела военнослужащих, погибших в горячих точках. И уже несколько недель в нем лежат останки нашего, привезенного из Новороссии добровольца. По всем признакам они принадлежат Павлу Зябкину, о чем появилась информация в Интернете. И по сему поводу безмерно злорадствуют все украинские СМИ.

Я сразу понял: вряд ли это ошибка, Погиб именно Паша. Потом от иных людей, заинтересовавшихся его судьбой, до меня дошли подробности последних часов и минут его жизни. Он поехал на Донбасс, когда там еще только начинались кровавые события. Сопровождал колонну с ранеными. По дороге ее расстреляли бандерлоги. А потом сам по своей гнусной привычке добывали ра-

ненных. В их числе и защищавшего колонну от нападения Пашу, тоже получившего ранение...

Узнав об этом, я подумал невольно: «А может быть, он нашел таким образом для себя ту судьбу, которая достойна его незаурядной личности? И с честью погиб за благое дело. Вот жаль только, не успел написать и опубликовать все, что намеревался...»

А намеревался он многое. Когда Зябкин уже окончательно уходил из газеты, я спросил: «Ну, и что ты теперь будешь делать?» Он ответил, как всегда, в своей запальчивой манере, но уверенно и спокойно: «Да писать буду! Знаешь, сколько у меня еще лежит материалов различных в моем «портфеле редакторном?!» И тут же, ухмыльнувшись, постукал пальцем по пальцы остритвенному черепу — «редакторному портфелю». Я же все донимал его: «А есть где публиковать?» — «Да что ты?! — столь же запальчиво продолжал меня убеждать отставной журналист. — От предложений отбоя нет! Местные издания хотели публиковать, из Москвы поступали предложения...»

Но лишь Бог решает, кому жить долго, размышляя над услышанным и увиденным на войне, дабы другие никогда и ничего не узнали в реальности из донесенного до них уже ушедшими...

Павел Зябкин никогда не старался выглядеть лучше, чем он есть, и в том заключалась его своеобразная сила. Способность быть выше зависимости от чужого мнения, не приукрашивать себя в глазах других ярко отразилась в его творчестве. Похоже на то, что главными ценностями для себя он считал правду и отсутствие притворства. Он любил людей такими, какие они есть на самом деле, и при этом хотел, чтобы точно так же относились к нему самому. Мне очень хорошо запомнилась оброненная им как-то фраза. Однажды он прямо в лицо высказал некоторым коллегам по газете свое невысокое мнение об их деловых и человеческих качествах. Я тут же наедине напомнил ему, что он считает себя человеком православным, и ему не подобает поступать таким образом. А Павел ответил: «Ну, ты же ведь знаешь, какой я есть...» Выслушав меня и поразмышляв самую малость, Паша реши-

тельно вошел в помещение, где располагались наши коллеги, и извинился перед ними.

По-моему, в этих его словах таилось глубинное понимание им самим многообразия собственной личности — того, на что она горазда, сколько в ней плохого и сколько хорошего. По-настоящему каждый человек проявляется лишь в нестандартных ситуациях — готов ли он в трудный момент принять решение, пусть нелегкое, но единственно верное. Павел Зябкин в том роковом для него 2014 году такое решение принял...

Разумеется, можно возразить: судя по всему, он и сам стремился к подобной судьбе, что уж тут героического? Но ведь далеко не все способны так поступить в наши дни. Разве не во власти Зябкина было закрыть глаза на все происходившее в Новороссии и после смерти матери продолжить свои литературные труды? Но, я уверен: в Новороссию Паша поехал по зову души и сердца, пусть не покажутся слишком громкими эти слова.

Знал ли он, что его вояж в новую горячую точку станет последним в жизни? Думаю, да. Мне приходилось провожать добровольцев, уезжавших в Чечню, когда там вовсю шли боевые действия и пачками гибли люди. Хочу засвидетельствовать: один из таких добровольцев был готов не вернуться оттуда, даже соглашался с теми, кто отговаривал его, однако не изменил своего решения. И погиб. Его тело, так же, как и тело Зябкина, забирали из Ростова.

Не могу утверждать, что Павел считал меня своим другом. Скорее, хорошим, добрым товарищем, приятелем и коллегой. Мне не хватает общения с ним. Вспоминаю фрагменты из его печатных рассказов, яркую, неподражаемую манеру излагать свои истории устно и его радостную, чуть ли не до ушей, ухмылку. А еще — Пашины рассуждения на серьезные темы, и пытаюсь, как и прежде, соглашаться с ним или спорить о самых различных материях. Иногда же, узнав о каком-нибудь анекдотическом случае, произошедшем уже после его смерти, представляю себе, как бы он реагировал, предстанию традиционным радостным смехом и восторженным топотанием об пол ногами. Одним словом, вспоминаю о тех днях, когда мы вместе писали, пересказывали да весело потешались над написанным и пересказанным.